

АНТИМЕТАБОЛА

(ущербная, неравная, потому что объем противопоставляемых описаний не равен)

Параллельное «опрокидывание» достоинств немецкого дома

«Четырёхэтажный наш домик. Если в Холмогорах кому скажешь: „Четыре этажа” – охнут	А если какому холмогорцу те этажи покажешь, так засмеются: по ширине-то домишко, ну пускай, на четыре окна нашей избы.
До двора, что навроде курятника. Да и не наш тот курятник.	И столь же мал в глубину. Наш только вид на него.
Зато в высоту домишко, действительно, четыре этажа.	А по правде, так и до конька иного крепкого двинского дома, что с высокой подклетью, не дотянется.
А уж что говорить о дворе просторе... У нас ты, чтоб соседа повидать, выйди из дому и докричись до него, если ещё услышит	А здесь ты с двух соседских сторон в свою стенку стукнешь, а он тебе – по своей, которая с твоей стороны твоя, а с его – его, и ответит: мол, „здесь я, незачем и выстукивать. Слышал, как ты к моей границе в своих войлочных тапочках шаркал”.
А до соседей, Тут такая свобода...	.. А до соседей, с которыми окна в окна? через три дня с трёхэтажного дома напротив сосед к фрау Цильх с жалобой: „Уснуть от яркого света из ваших окон не могу”. Это от свечи-то!

4-2-81

Глава 15 СРЕТАТЬ – ЗНАЧИТ ВСТРЕЧАТЬ. ПРАВИЛЬНОЕ ДЛЯ ДНЯ НАЗВАНИЕ!

Вся глава поочередно перекрестно подача контента с разной бенефикацией то от имени Михаила, то от имени Макарова и Владыки Феофана, которые его ищут, лексическая конферсия?

Труд писателя – это ожидание. Сначала – прилёта Пегаса. Потом – появления редактора. Затем – вдохновения художника. После – терпеливое ожидание только своего читателя. У нас же всё наоборот. Сначала появился читатель и стал подгонять: пишите. Наш читатель, нетерпеливо ёрзая, ожидал, когда появится его писатель, когда окрылится Пегас, вдохновится художник и найдётся редактор... 4-1-654

И тут же голова его пала на постель. Пётр шумно выдохнул. Понятно всем стало, что это последнее, безумное – ехать к умершей давно сестре. Иль – все запереглядывались – напротив, то проблеск ума: отправиться в тот мир, где ждала его, пожалуй, единственная душа, при жизни искренно любившая беспутного своего брата. 4-1-387

Господи, где же ты? Куда смотрел? Я-то что творила? Надоумь, хоть кто! Помоги! В ноги любому кинусь, кто подмигнёт хоть издали: „Твоя вина, девонька, во всём. Дитячко безвинно. А ты виновата. Ты изменщица”. И тут же другим глазком успокоит: „Нет твоей вины, сердешная, ни в чём”. Так во всём иль ни в чём?» 3-105

Лука рядом с женой опустил: слезинка радости по щеке ещё не докатилась, а слеза потери уже вдогонку поспешала. И не разберёшь на бороде вдовца, какая из них солоней. И не знает человек: сначала печалиться, а после радоваться? Радостные глаза с неба к земле сырой опускать, иль печальные к светлым небесам подымать? 3-87

Да и в узелке не по разу переключивали. То иконку, владыкой Афанасием дареную, в ручник завернутую, вниз приложат, а поверх телогрею, шубейку, плат тёплый и перья гусиные для переписи в тряпице. То опять развяжут и наоборот: одежду, перья, плат, а икону уж сверху 3-54

Тут Пётр Андреевич взял дипломатичную паузу. Выжидал. Александр Иванович паузу принял. Ножичком в тарелочке горошинку гонял. Та, кругла как голова, от ножа упрыгивала, выскальзывала. «Знать, если безумная от металла вострого уворачивается, то и свою, с умом которая, сберечь можно, и сюда, – он взглянул на свой аккуратненький карманчик, – что перепадёт. Только вот мой накладной на толстовский манер перешить надо. Чтоб накладно не было. Пошире да поглубже. Нет! Куда как ширше да глубже. Бездоннее!» Он подмигнул Толстому: – Постараемся для России! И нашёлся бы кто умный, что проникнуть в мысли их способен, то прочёл бы на самом дне котелков бурлящих, что оба пройдохи, но русские пройдохи, сидя в солнечной Италии, на берегу самим Богом сотворённого Тирренско³²² Власно – точно, будто, словно. ³²³ Каштель (castel) – замок. ³²⁴ С турецкого inşallah – с Божьей помощью. ³³⁹ го моря, где-то рядом с сердцем земным, что через Везувий бьётся, думали, друг друга в мысли той стесняясь: «Да зашить бы карманы все вовсе. Иль спороть накладные. До возвращения на Родину. Лишь бы вернуть царевича. Вернуть запал, что по Европе, словно в бомбы нутре, уже искрой мечется. Того гляди, вспыхнет кругом. А тогда быть войне. Австрийский эрц-герцог ещё упрётся – не выдаст, своё разыгрывая. А наш-то Пётр горяч. Ради покоя своего государства в будущем, сегодня ни перед чем не остановится. И царевича, коль словом не удастся, оружием добудет. А то всем дорого станет. Жизнями дорого! 2-338-339

Удивление к Петру в день тот возвращалось не раз. Он, словно юноша, пред Еленой старался предстать в лучшем свете. И за обедом, после как печенья и мороженое подали, по памяти строки из жития, на Елену глядя, воспроизвёл: ...любили за её кротость, смирение и ум, превышавший года её; дева непорочная была научена книгам, ... и упражнялась в чтении книг и у неё было одно твёрдое намерение – служить господину своим девством. Елена, на другом конце стола сидевшая и часом ранее, так и не поняв, отчего это впросак попала, лишь имя сына Петра упомянув, решила было на этот раз промолчать, да не сдержалась: – Государь Пётр Алексеевич, у владыки Димитрия в Минеях за август, на 22-й день не так писано. Верно, подзабыл? Правильнее будет, – и она прочла по памяти: Родители весьма любили Евлалию за её кротость, смирение и ум, превышавший года её; Евлалия была научена книгам, и у неё было одно твёрдое намерение – служить Господу своим девством непорочным. И упражнялась святая в чтении книг, и в славословии Бога днем и ночью... 2-296

Фёдор, вроде уж привыкший за дорогу к Еленкиной красоте, никак не ожидал, что она вот этак-то умеет. Ходить неслышно, головку склонять, что губы сразу сохнут, улыбаться так, что улыбки не видно, а радостно становится: «Эх, Ленушка!» Осип, тот напротив, будто наперёд всё представлял, и сейчас сидел, словно за конторкой своей, когда после 288 сделки вдруг только и понял: «Продешевил... Эх, Леночка...» 2-287

Но нет... Неспешно к обеду и вернулся. За обедом с Чернышовым и Корчминым неспешно обсудил планы по обороне Выборга. Кабинет-секретарь позже в щёлку подглядел: сидит, читает – и не на краю стула, как обычно, с ногами под сиденьем, пружинами поставленными, вскочить готовый, а как размеренный человек. Спинка – к спинке. Что положено – к сиденью. И шуба висит на месте, а не в сенях в углу привычно топорщится 2-266

Радеть о благе государства, а потому напрягать себя

и народ безрасчётно, без всякой бережливости.

Дабы дело государственное спорилось, поворачивать супротивников для их же блага вспять: привыкнув, подсобят.

Сделать Россию великой и сильной, не должником, а кредитором.

Перечёл. Уверовал. Точку поставил пожирней. Лист

владыки Афанасия вытянул – то была последняя афанасьевская премудрость... – и с каждой строчкой, глаза шире

раскрывая и руки разводя, прочёл:

«...благоволению покорный послушник правила сии усердствуя сотворше.. То правила Государя, который сделает Россию великой и оттого сам великим станет:

1. В неусыпном ношении государственного бремени, в преобразовательном разбеге, преодолевая отпор, щадя, насколько возможно, людские силы.

2. Не всем, Государь, дано тотчас понять великую цель

и оценить великие твои усилия. Мало тех, кто поймёт тебя

и поддержит, многие супротив встанут. Умных противников

убеждай, сомневающихся – поддержи, глупцов обуздай.

3. Радей не о себе – о государстве, будь примером подданным своим, Государь, уменьшай пороки и надобности, а преемникам оставь не долги, а обильный запас средств».

Прочитал и охнул: «Ну, владыка Афанасий! Человечище, куда меня выше! С того света удивлять продолжает!» **2-239**

Дважды прибежали в трапезную звать. Сначала из монастырских кто-то, после, видать, уж из-за стола отправленный князь Жировой-Засекин. Да Алёша всё рукой махал. Уши да глаза его, а потом и сердце никак от стола письменного к столу обеденному переходить не хотели: «Куда против них урчащему! До чего интересно сказывают!» Алёша книги за иное, не за то, что отец, любил. Не за мысли, чертежи разные, цифры, что вписаны. Не за знания, что в строчках да меж них. Не за то. А за красоту буквиц, за картинки цветные, за замочки цокающие, за кожу тиснёную. Теперь вот за ножки. «Пиршество вечное тут, среди книг, а не в трапезной. Книгами никогда сыт не будешь. Не устанут глаза красотой напояться. Пусть батюшка сегодня один живот услаждает»

Алёша войну – не в пример батюшке – вовсе не любил: миром решать куда лучше. Да Феофил с Дорофеем того поначалу не поняли: саблю князя Пожарского да палаш Скопина-Шуйского²¹³ наперёд показали, подивились, что царевич без интересу взгляд на них кинул: мальчонка, а за эфес подержаться даже не попробовал, не то что взмахнуть... Зато подсвечники, потиры, кубки живенько крутил, мощевикам дивился. 2-195

Но Алёша всё ж решил вести себя по-царски. А это значит, в новом для себя месте надо бегать больше, а как набегаешься, так каверзные вопросы недовольным голосом задавать и в конце обругать кого. «А кем тут недовольным быть? Их всего двое – и оба по нраву. Ну да ладно, то

после. Пока бегать!» И он принялся, по-папенькиному широко размахивая руками, ноги до треска шовного расставляя, вышагивать промеж комодов с ящиками на обе стороны, что по центру ризницы в ряд расставлены. И тут же первое со вторым решил соединить: «И бегать буду, и вопросы задавать. Так быстрее закончу». Ну и начал. Где, что непонятное для себя увидит, на ходу и спрашивает. 2-194

А бумага? Тишайшая с виду. Безобидная. Беленькая да мягонькая, а сколько один листок может! Вот выведу на ней сейчас: наступать, сотни и погибнут. Напишу – отступить, сегодня сотни уберегу, а через годы тысячи потерять можем. С бумагой осторожней надобно 2-146

А если это путь России? Долго идти, а выхода нет. Придётся, откуда вышел. Инженер Василий Корчмин сразу с ответом нашёлся: – Так мы тут на что? Скомандуем – и переложим путь. Прямым сделаем, без загибов. Из этих же камней дорогу и вымостим! Только вот это уж не Россия будет. А Пруссия или Саксония какая-нибудь. Правильная. Скучно! 2-185

– Ты же последний, кто видел его живым! И ты первый, кто видел его бездыханным. По крайней мере, так будет думать милиция, если у них окажутся твои фотографии. Их много – с платформы Московского вокзала, у вагона с табличкой «Ленинград – Москва», в камере хранения, где ты из ячейки вынимаешь портфель, а в нём повод для встречи с жертвой. Ещё ты у подъезда многоэтажки на Вернадского. Наконец, насколько будут счастливы следователи, получив блокнот с твоими отпечатками пальцев, на страницах которого план убийства несчастного старика! Там адрес, схема квартиры, рисунок ключа, расстановка стеллажей в комнате-сейфе. А сколько твоих пальчиков найдут в квартире? На письменном столе, дверях. Следователь, наверняка, поймёт, что задумал ты всё ещё в Архангельске, когда соседствовал со стариком-коллекционером. И мотив очевиден. Сегодня ты специалист по древним книгам, сотрудник библиотеки, знающий их цену. Ты хорошо подготовил преступление. Даже штудировал учебники! Это с готовностью подтвердят твои коллеги и парни из общежития. Ты рассчитал всё. И получил огромный куш. Поэтому против тебя будет всё государство, у которого ты – да-да, ты! – отнял коллекцию, по завещанию причитающуюся ему 5-330

Так и работали: Серёжа творил, Пётр набирал и вносил исторические поправки. Марина вставляла сноски, вела Указатель имён и составляла Хронологию. И втроём не переставали удивляться: как так сошлось? Какой судьбой сведены были в полузаброшенной деревне записи Евгении и Евгения Ивановичей, наброски Петра и Марины и почти готовый роман Сергея Сергеевича?! 5-278

«Нет, надо сразу всё проверить. Не молод уже так подставляться». Он обошёл стол и встал за спиной старушки. За седым её затылком. Та, покачивая ножкой в такт стихотворному ритму, глядя на экран, шевелила губами. В горенке нашей простыни смяты, Стылая бродит луна. Разве с тобой мы сейчас виноваты? Только скажи, в чём вина? 11 11 См.: Владислав Попов. В зелёном и синем – звезда. // Русское поле. Содружество литературных проектов. – 2012. – № 18. Потом вздохнула, притянула к себе тетрадку и трясущейся рукой взяла шариковую ручку с надгрызленным колпачком. Паста капелькой собиралась на кончике, и переписываемые строчки были с грязноватыми подтёками. «Нет, точно, глупости», – Корешок огляделся и, успокоенный, вышел на проспект.

Подполковник запаса, заслуженный юрист Российской Федерации Инна Юрьевна Русавина уже четыре года была на заслуженном отдыхе. Но руководство до сих пор призывало её для выполнения заданий, требующих высочайшего профессионализма и актёрского мастерства. Она одиноко просидела в зале ещё с полчаса. Затем выключила полуулыбку. Распрямилась. Аккуратно

сняла брошку с миниатюрной видеокамерой, отсоединила провода, вложила всё в специальный футляр. Взяла с места, где недавно сидел Корешок, образцы ДНК. Покачала головой: «Раньше бы столько с отпечатками пальцев пришлось возиться». 5-356

Наутро в обоих домах проснулись в одно и то же время. Октябрьские дни – это обеденные оттепели и ночные морозцы. Оба хозяина, глянув на заиндевевшие крыши деревни, покрытые выпавшим ночью тонким снежком, поёжились и занялись выверенной до каждого малого движения топкой печей. Вытянуть заслонку, чтоб движенье воздуха началось, чтоб, значит, при закладке дров пепел, кружа, не вылетел в комнату. После, присев на низенькую скамеечку, отворить дверцу. Оба сегодня проделывали всё медленно. Растягивая каждое движение. Пётр – от того, что с вечера ещё представлял, как обрадует соседа. Серёжа же – глаз не отводя от брошенных на притопочный лист тетрадок. Петр газетный лист начал было комкать, да увидел статью о библиотеке, в которой год назад ещё директорствовал. Страничку разглядел и принялся читать. Серёжа поднял перевязанные тетрадки. «Государевы шахматы». Выдохнул, губы трубочкой сложив, и тут же решительно разорвал бечеву. С верхней обложку сорвал и – в печь. Хотел было так же и с первым листом, но... Глаза уже бежали по строчкам второй его книги – романе о Петре Первом

«Деревня. Делай, что хочю. Свобода!» – Марина! – Пётр занёс дрова. – Ты пока крыльцо размети. Скоро затает. Вещи на веранде со вчерашнего еще не все разобраны. После лучины настрогай. А к ужину разморозь рыбу, что в Емецке купили... 5-238

И тогда только и надо, что подняться, крышечку открыть и обязательно вдохнуть. А как знакомый почерк увижу, так и выдохнуть. И сразу прямоугольник с Новгородского к груди прижму и – в коридор. Туфли на коврик, а после – в свою комнату и, как есть, в пальтишке, до окна. И свет не включать. А шляпку по дороге – на кровать. Конверта полоску – в сторону и сразу, на первом листе будет: „Милая моя Женечка!“ И дальше уж можно, что хочешь: и пальтишко на гвоздик, и портфель под стол, и чайник в кухне на керогазку⁹⁵. Ведь главное сохранено: мы вместе, я – его Женечка!» 5-91

Коридор встретил её улыбку молчанием. Ботиночки со сдвинутыми друг к другу носками, словно заранее извиняясь, стояли на коврике. Керогаз на кухне отчего-то приветственно не шипел. Дверь в студенческую комнату была закрыта. 5-93

Она стала переключать из тележки «беретовский» товар, пытаясь пропихать его с глаз подальше, за пачки с макаронами. Вынимала и рассматривала: маслины с косточкой, оливки 383 без косточки, анчоусы, крабовое мясо, креветки замороженные, масло икорное, сыр бри с плесенью, камамбер, соус «Песто», паштет гусиный французский, салями финская, руккола, лайм, помело, киви, хлебцы ржаные с травами, томаты вяленые, крем творожный, «Мартини Бьянко». Из всего этого она не смогла найти ничего, что без боязни можно выставить на обед.

*** К кассе она подкатила, уже зная сумму и любовно оглядывая сметанку с коровкой, десяток яиц, баночку борща, пакет молока, упаковку «Геркулеса», два плавленых сырка, четвертушку хлеба. С Танюшкой они договорились, что первое время та будет помогать ей с выбором свежего

и недорогого. С нижних полочек и не с первых рядов. По ценам, что завышенными не были, и со скидкой 5-383